

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение

ТАТЬЯНА Устинова

Земное притяжение
Селфи с судьбой

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении серии использован
шрифт «Клементина» © Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Земное притяжение ; Селфи с судьбой: [романы] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-091274-2

«Земное притяжение»

Их четверо. Летчик из Анадыря; знаменитый искусствовед; шаманка из алтайского села; модная московская художница. У каждого из них своя жизнь, но возникает нештатная ситуация, и эти четверо собираются вместе. Точнее — их собирают для выполнения задания!.. В тамбовской библиотеке умер директор, а вслед за этим происходят странные события — библиотека разгромлена, а за сотрудниками явно кто-то следит. Что именно было спрятано среди книг?.. И отчего так важно это найти?..

«Селфи с судьбой»

В магазинчике «Народный промысел» найдена задушенной богатая дама. Она частенько навещала в село Сокольничье, щедро жертвовала на восстановление колокольни и пользовалась уважением. Преступник — местный пьянчужка — задержан по горячим следам... Профессор Илья Субботин приезжает в село, чтобы установить истину. У преподавателя физики странное хобби — он разгадывает преступления. На него вся надежда, ибо копать глубже никто не станет, дело закрыто. Эта история о том, что рядом всегда есть люди, с которыми можно разделить все на свете, и они придут на помощь, даже если кажется, никто уже не поможет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-091274-2

Земное притяжение

— Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

На «границах» связка ключей вывалилась из замка и брякнулась под крыльцо. Замок закачался на дужке.

— Что такое!.. — Светлана Ивановна, только что бодро гудевшая себе под нос «Марш авиаторов», подивилась на замок, перегнулась через перила и стала шарить глазами. Вон она, связка-то!.. Ишь ты, далеко ускакала!..

Светлана Ивановна спустилась с крыльца — доски поскрипывали, — подобрала ключи, нацелилась было на замок и тут только сообразила, что он открыт!.. Выходит, директор уже на месте, раньше неё прибыл, неслыханное дело!..

...Позвольте, как — на месте? Если замок в петли продет и на одной дужке болтается? Что ж это, директор дверь отпер, сам подался куда-то, а всё библиотечное хозяйство нараспашку оставил? На одну дужку только и прикрыл?

Светлана Ивановна заволновалась, заторопилась, крыльцо под ней заходило ходуном. Она отцепила замок, пристроила его на всегдашнее место — на гвоздик с правой стороны, — распахнула дверь. Изнутри сразу потянуло запахом пыли и старых книг.

— Пётр Сергеевич, вы здесь?.. Или где?

Никто не отозвался.

Библиотекарша кое-как подпёрла обшитую старым дерматином дверь цветочным горшком с геранью. Дверь осенью подпирала старинным чугунным утюгом, должно быть, в полпуда весом, а вот весной — горшком с геранью.

Неладное началось сразу же. Под ноги Светлане Ивановне как будто текла бумажная река. Библиотекарша ахнула и прижала к груди гигантскую клеёнчатую сумку.

Река состояла из газет и журналов, и все они были измяты, словно истоптаны, ими был устлан весь пол в коридоре, так что даже ковровой дорожки не видно.

— Батюшки светы, — пробормотала Светлана Ивановна, и подбородок у неё задрожал, и дыхание сбилось.

В карманчике сумки она нашарила лекарство, выдавила крохотный красный шарик и кинула под язык.

Ступая по бумажной реке, она осторожно заглянула в «абонемент» и зажмурилась от ужаса — здесь всё было вверх дном, все книги вытащены, выворочены, как будто их били и насиловали. Стеллажи, без книг похожие на скелеты, сдвинуты с места, даже цветочные горшки опрокинуты!..

— Батюшки, — повторила Светлана Ивановна и подумала: хорошо бы сейчас упасть в обморок, но падать в обморок она не умела.

Тело человека, лежащего на полу позади стола с выдвинутыми и выпотрошенными ящиками, показалось ей не таким уж страшным.

Оно *должно было* там лежать, и оно *лежало*.

— Пётр Сергеевич, — позвала Светлана Ивановна и наклонилась над телом. — Петя!.. Что с тобой? Зачем ты здесь лёг?

Было совершенно очевидно, что директор библиотеки ничего и никогда не сможет ей ответить, что это даже и не директор, а то, что от него осталось, — пустая оболочка, не нужная больше и не слишком на директора и похожая!..

Светлана Ивановна сделала неловкое судорожное движение, и из её гигантской сумки на тело посыпались ручки, кошелёк, дурацкое зеркальце с картинкой на крышке, глазные капли, пузырёк тёмного стекла, полоска пластыря, скатанные в нейлоновый узелок запасные носки.

Она кинулась их собирать, а из сумки всё продолжало сыпаться, и когда она горячей потной ладонью случайно коснулась руки Петра Сергеевича, оказалось, что та холодна и тверда.

— Всё, — сказала Светлана Ивановна и ошупью села на стул. — Вот и всё.

...На «Скорой» приехал молодой, бесцеремонный фельдшер, который всё болтал по телефону и на вопросы только махал рукой — вы что, мол, не видите, я занят, — а как глянул на тело, так весь позеленел и выскочил в палисадник, а Петра Сергеевича на носилки погрузили щетинистые похмельные санитары и понесли неловко, неумело.

— Тихо там, урбните его! — закричала на санитаров Светлана Ивановна, а Галя всхлипнула.

— Да ему уж без разницы, мамаша, — отозвался один из похмельных.

Участковый Игорёчек, которого по молодости лет только так и звали, растерянно бродил по бумажному морю и бормотал себе под нос, что сейчас подъедет начальство, а пока не подъедет, трогать в библиотеке ничего нельзя. Под окнами переговаривались и курили сбежавшиеся соседи — библиотека имени Новикова-Прибоя располагалась в «частном секторе», кругом сплошь сады и в глубине садов — деревянные дома под железными крышами.

— И ведь как знал, как знал, — повторяла Светлана Ивановна. Крохотные красные шарики — лекарство — больше не помогали, она тяжело, прерывисто дышала, и в груди как будто паровой молот стучал — бух, бух. — Он ведь мне сколько раз говорил: если я раньше тебя помру, сделай милость, позвони в Москву, сообщи там... Он же сам-то московский!

— Да-а-а, — тянула Галя и всхлипывала.

— Что да, ну что да-то, ведь он молодой совсем мужик! — через силу говорила Светлана Ивановна. — В прошлом году юбилей справляли, пятьдесят лет, разве ж это возраст!.. Я над ним смеялась, бывало: ты, Петь, на моих похоронах простудишься!

— Так он не сам себя, Светланочка Ивановна, его ведь... убили, да? Ведь убили?..

Старая библиотечарша махнула на Галю рукой.

Во дворе зафырчала санитарная машина, зачем-то надала сиреной, Светлана Ивановна схватилась за сердце.

— Галя, поищи там в сумке телефон-то. Надо звонить, раз покойный приказывал. Господи, это ж не произнести даже, Пётр Сергеевич наш — покойный! А ещё очки и записную книжечку. Поищи там, Галя...

Очки и записная книжка оказались в сумке, а телефон валялся на полу под столом.

Светлана Ивановна нацепила очки, долго, ничего перед собой не различая, листала книжечку — из неё выпадали какие-то бумажки, Галя их все поднимала и складывала себе на колено.

— Ну вот. Петиной рукой записано. Известить Раису Васильевну Горбухину. И телефон, московский, должно быть. Четыреста девяносто пять впереди — это же Москва?

Галя пожала плечами.

Светлана Ивановна так же долго набирала номер, а когда в трубке длинно загудело, изо всех сил выпрямилась и закаменела.

— Раиса Васильевна Горбухина? Это вам из Тамбова звонят. У нас беда случилась. Пётр Сергеевич велел в случае несчастья вам первым делом сообщить, вот я и сообщаю...

Генерал положил трубку, посидел неподвижно, а потом, не зная куда девать руки, пристроил их на затылок.

Известие было до крайности неожиданное и... неприятное. Произошло нечто, чего произойти никак не могло, по опыту он знал, что так не бывает.

— Не бывает, — громко сказал генерал и в кабинетной тишине не узнал собственного голоса, — так не бывает, но так есть.

Он совершенно точно знал, что нужно делать, но всю жизнь был уверен, что делать этого не придётся никогда. Генерал не боялся — он вообще в жизни почти ничего не боялся, — но для того, чтобы приняться за дело, следовало собраться с духом, а у него пока не получалось.

...Что там могло произойти? Что пошло не так?..

Глупо и непрофессионально было спрашивать себя — он не знал никаких подробностей, ничего не видел своими глазами и понимал, что не увидит, — но всё же спрашивал.

...В чём он мог ошибиться? Чего не учёл? Что рассчитал неправильно?..

Оттолкнувшись, он мягко покатился в кресле, упёрся руками в подоконник и посмотрел на улицу. Небо нависло над Москвой, навалилось снеговой чернотой тучей, и от её тяжести трудно было дышать.

— Я не знал, что так получится, Петь, — сказал генерал и опять не узнал собственного голоса. — Да что я, не обо мне речь! Ты-то куда смотрел?! Что ты мог пропустить?!

Тут он понял, что немедленно должен выпить, мельком глянул на часы — оказалось, что времени всего-ничего, одиннадцать утра, — прошагал к буфету, набулькал в тяжёлый стакан виски, много, почти половину, и выпил в два длинных глотка.

Больше сделать ничего было нельзя.

Он вернулся к столу, снял трубку, помедлил и нажал кнопку.

— Собирайте группу, — приказал он. — Код оранжевый.

Там, похоже, не расслышали, потому что ему пришлось повторить:

— Оранжевый!

Ну, вот и всё. Теперь от него ничего не зависит.

Твёрдой рукой он закрыл дверцу буфета, сунул пустой стакан на столик — потом уберут, унесут, — походил по кабинету, уселся в кресло и принялся смотреть на Москву. Ветер ломился в окна, в разные стороны гнал по стёклам неровные дрожащие ручьи. Под дождём город казался съёжившимся, спрятавшимся под железные мокрые крыши.

— Всё выше, и выше, и выше, — пробормотал генерал себе под нос, — стремим мы полёт наших птиц...

С утра Хабаров всласть поругался в диспетчерской с самим Нечитайло, да так, что волоокая Томка, сидевшая и за секретаря, и за помощницу, и за подавальщицу, хотя числилась сотрудницей погранслужбы, выскочила из своей каморки на улицу в одном кителе.

— Шинель накинь! — закричал на неё дежурный офицер. — Холод собачий и ветер штормовой! Куда несёшься!?

— Туда. — Проламываясь через турникет, Томка показала подбородком на улицу. — Я тоже человек! Я ихнюю цветомузыку больше слушать не желаю!

Дежурный проводил её глазами.

На улице ветер ударил так, что девушка покачнулась, схватилась обеими руками за поручень. Длинные чёрные волосы, которыми гордился и любовался весь ГВФ и военные заод-

но, сами собой поднялись и встали дыбом. Китель, застёгнутый на одну пуговку, распахнулся, затрепыхался, надулся, его почти сорвало.

— От шальная баба!

Дежурный выбрался из-за стола, с усилием распахнул дверь и, почти падая на ветер, втащил Томку в стеклянные сени.

Она захлёбывалась и таращила дикие глаза.

— Ты первый день в Анадыре, что ли, я не пойму?! Сказано — ветер! Нет, понеслась! Мата больше слышать она не может! Стой тут, раз ты такая нежная, тут его не слышать, мата!..

— Вот у меня где этот ваш мат! — Томка, тяжело дыша, попилила рукой по горлу. Другой она яростно заправляла за пояс вырванную ветром блузку. — В ушах вязнет, и день, и ночь одно и то же, как будто по-людски разговаривать нельзя!

— А сама-то чё? — осведомился дежурный, возвращаясь за стол. — Не материшься, голубица?

В кабинете Нечитайло уже доругивались, голоса звучали по-тише, поспокойнее, понятно было, что спорщики устали и ни до чего не договорились.

Хабаров напоследок послал Нечитайло с его горючкой и мелкой бюрократической душонкой подальше, вывалился в коридор, саданул дверью и закурил.

— У нас тут не курят, — сказал дежурный и захохотал, — постановление правительства и Государственной думы.

Хабаров Думу и правительство тоже послал, но не так размахисто и цветисто, как Нечитайло. Докурил, загасил окурки о подошву и швырнул в угол.

— Если кому понадобится, я в бильярдной! — рявкнул он. — Хоть шары погоняю, чем с такими... с вами... разговаривать!..

— А чего такое-то?

— А ничего, твою мать! Мне в Эгвекино идти, а у него по горючке лимиты!..

— Куда идти, ветер тридцать метров в секунду и поперёк полосы!

— Да пропадите вы все пропадом! — опять во всю силищу заревел Хабаров. — У этого лимиты, у того ветер! Метеослужба прогноз дала — к вечеру уляжется! А там больных трое! И ре-

бёнок!.. Он чего тебе, ждать должен, когда эта гнида мне го-
рючку подпишет?!

— Лёша, — тихонько сказала нарисовавшаяся возле стола
Тома, — хочешь, я тебе чайку заварю? У меня плиточный есть,
тундровый, ты же любишь...

Мужики на неё оглянулись. Она уже была вся прибранная,
аккуратная, глаза держала долу, пальчики крутили железную
пуговку на кителе — диво дивное!..

— Да не надо мне ничего! Мне работать надо, вы это по-
нимаете?!

— Лёш, сало есть, настоящее, домашнее. Бабушка присла-
ла. У них в Калаче дом свой, и куры, и кабанчик... Бутербро-
дов могу наделать.

— Мне сделай! — вскинулся дежурный, и лицо у него ста-
ло умильным. — Я знаешь как сало люблю?!

Хабаров махнул на них рукой и широким шагом двинул по
коридору.

Дверь в кабинет Нечитайло приоткрылась, из неё вылетел
реглан и приземлился на стулья, стоявшие вдоль коридорной
стены. Тома подбежала, подхватила реглан и бросилась за Ха-
баровым.

— Бутербродик сделаю, да, Лёш? И чайку? Послаще, ты ж
любишь сладко чтоб!..

Хабаров принял у неё реглан, продел руки в рукава и вдруг
усмехнулся:

— Калач — это чего такое?

— Так город такой, Лёша!.. — затараторила Тома. — Калач-
на-Дону, я сама с Волгограда, а бабуля с дедулей у нас в Кала-
че живут, и дом у них там, и сад, и чего только нет...

— Надо же, — себе под нос сказал лётчик Хабаров, — не
знал я такого города!

Тома проводила его глазами. Они были ласковые, правди-
вые, говорящие так откровенно, что дежурный крикнул и от-
вернулся.

Она дошла до двери в кабинет, оглянулась, но никакого Ха-
барова уже не было. Она обласкала взглядом его невидимый
след, вздохнула и вошла. Оттуда сразу же донеслось недоволь-
ное бухтенье Нечитайло, впрочем, вскоре стихшее.

Дежурный покрутил головой и ещё раз крякнул огорчённо — все, вот как есть до одной бабы сохнут по летунам, что в них такого?! Разве что регланы, но в управлении все в регланах, не только летуны! За что же им-то бабья любовь достаётся?!

Ветер улёгся так же внезапно, как и налетел, словно и не было его — как всегда, в Анадыре. Хабаров, изнемогший от стуканья бильярдных шаров, смачных анекдотов — ни одного нового, все наизусть давно выучены, — махорочного дыма и плиточного чая, похожего на микстуру, ушёл на полосу.

«Аннушка» на привычном месте показалась ему неожиданно весёлой, а Хабаров думал увидеть её грустенькой — ведь на них обоих с утра пораньше наорал потный Нечитайло!.. Солнце играло на плоскостях, а когда Хабаров вышел из плотной тени диспетчерской, отразилось от стекол кабины и брызнуло в глаза так, что пришлось махом нацепить на нос тёмные очки.

Движок зачехлён, растяжки укреплены, чтоб ветрами самолёт не сдуло в Анадырский лиман, и эти растяжки как будто подтверждали — никуда вы сегодня не полетите, так и будете на приколе торчать!..

Внизу что-то мелькнуло, руку в перчатке как подбросило — Хабаров знал, что это означает. Это означает, что беспородный аэродромный пёс Марат прибежал поздороваться.

— Здорово-здорово, — сказал Хабаров и почесал Марата за ухом.

Марат неистово крутил хвостом, словно пропеллером, и снова и снова подбрасывал руку Хабарова — соскучился.

— Всё выше, и выше, и выше, — напевал Хабаров и в такт гладил пса по голове, — стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

От ангара подошёл техник в синей тёплой куртке и ватных штанах. Поговорили о Нечитайло и проклятых лимитах, о прогнозе на завтра, о том, что в Доме офицеров вечером новое кино, а после танцы. Это самое новое кино Хабаров видел на Большой земле прошлым летом, но не стал огорчать техника.

— Чего ты маешься, Алексей Ильич? Штатно на Эгвекинет в пятницу пойдёшь, авось и погода, и керосин будут...

— Авось, — согласился Хабаров.

Странное чувство, будто что-то должно вот-вот произойти и ему не придётся в пятницу «штатно» идти на Эгвекинот, вдруг совершенно определённо сформировалось в голове, и Хабаров даже по сторонам оглянулся, проверяя.

Вокруг всё было привычное, давно изученное, ничего нового.

— А я в пятницу с утра движок погоняю, — продолжал техник, — застоялась машинка наша!..

Аэродромный пёс Марат притащил из ангара древний футбольный мяч со спущенной камерой и вмятиной на боку, положил Хабарову под ноги. Тот прицелился как следует, поддал, мяч закрутился, полетел. Марат пританцовывал от нетерпения, а потом бросился ловить.

Лётчик и техник проводили его глазами, а потом техник рассказал анекдот — не просто с бородой, а прямо с сивой бородищей! — и тут уж Хабаров сказал, что знает этот анекдот ещё со времён Качинского лётного училища, и уже тогда он был старый, как мир.

Техник, буркнув: «Ну и пожалуйста», — ушёл, а Хабаров ещё несколько раз кинул Марату мяч.

...Что-то должно случиться. Сегодня. Прямо сейчас.

— Марат, давай, тащи мяч! Ну?! Где ты его бросил?

Ухо уловило отдалённый рокот, нараставший стремительно, из-за сопки вынырнул самолёт — он шёл на малой высоте, заходил от дальнего привода, как будто собирался садиться.

Хабаров спущенным мячом загораживался от солнца, пытался рассмотреть опознавательные знаки.

Рокот двигателей накрыл его, Марат залаял — неслышно из-за грохота, — и на бетон метрах в ста от Хабарова упал какой-то предмет.

Самолёт сделал круг над аэродромом, стал набирать высоту и пошёл в сторону сопки.

От ангара бежали техники.

Хабаров некоторое время смотрел вслед самолёту, а потом тоже побежал и подобрал предмет. Это был небольшой брезентовый свёрток, упакованный по всем правилам.

— Мужики, кто засёк, чей борт? Откуда он вывалился-то?! Не, вы видали?! Его ж не было, а с утра по штормовому ни од-